

отношении к некоторым теориям Панченко Е. Э. Липшиц, которая отказалась поддерживать теорию переделов, и особенно А. П. Каждана, ранняя работа которого («Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.») содержит ряд критических замечаний в адрес Панченко, в то время как в более позднем его исследовании «Деревня и город в Византии IX—X вв.» акцентируется внимание главным образом на достоинствах трудов Панченко (стр. 24—26).

Мы считаем необходимым для правильной оценки наследия Панченко разобрать те указания на недостатки его как историка, о которых писалось главным образом в работах 40-х и начала 50-х годов.

Панченко обвиняли в том, что он не применял в своих исследованиях широкого сравнительно-исторического метода. Но это неверно. В отношении крестьянского землевладения Панченко постоянно проводил сравнение византийских условий с западноевропейскими («Крестьянская собственность...», стр. 64). Однако он не соглашался прибегать для изучения византийских аграрных условий, имевших тысячелетнюю давность, к сравнениям, заимствованным из условий первобытного общества. И нужно думать, что такой подход, именно учитывая специфику Византии, является более научным, чем стремление всюду пользоваться примерами из незапамятных времен, которые для трудовой византийской деревни были давным-давно пройденным этапом.

Совершенно не аргументируются обвинения Панченко в том, что он придерживался теории «извечности капитализма»¹⁸. Ни теории извечности капитализма, ни даже теории извечности частной собственности (которая, как известно, вовсе не является признаком капитализма) у Панченко и в помине нет. Нигде Панченко не пытается доказать, что собственность у крестьян всегда была частной. Как позитивист, он не старался проникнуть в глубину вопроса о происхождении общины с незапамятных времен. Он имел в виду только византийскую общину.

По мнению А. П. Каждана, у Панченко полностью отсутствует историчность, он будто бы «не замечал никакого движения, развития византийской аграрной истории»¹⁹. Обвинение Панченко в недостатке историчности совершенно непонятно: Панченко больше всего говорит о борьбе крестьян с сеньориальными притязаниями на их частную собственность, о постепенном торжестве крепостного права, о развитии владения землей, основанного не на частной собственности («Крестьянская собственность...», стр. 220). Наоборот, мы можем заключить, что Панченко прекрасно понимал необходимость историзма в исследованиях. Он, например, обвинял Дана в том, что при изучении мировоззрения Прокопия тот не учитывал среды, в которой развились взгляды Прокопия: «Мировоззрение Прокопия получается отвлеченным от среды, в которой оно было воспитано»; Дан «не применяет исторического метода изучения, разбирая внутренний мир Прокопия как психологическую загадку» (ВВ, II, 1895, стр. 24).

Основной недостаток Панченко А. П. Каждан видел в том, что «его интересует не реальная историческая действительность, а титул собственности»²⁰. Это совершенно несправедливое обвинение: Панченко интересуется вполне реальными явлениями — фактами отчуждения земли крестьянами,

¹⁸ См. З. В. Удалцова. Из истории русского буржуазного византиноведения. — ВВ, XX, 1961, стр. 50—51; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 62. «Попытки Б. А. Панченко доказать извечность крестьянской частной собственности на землю» Литаврин называет «реакционной теорией». Но нет ссылки: где, на какой странице Панченко развивал такую теорию.

¹⁹ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 24—25.

²⁰ Там же, стр. 12.